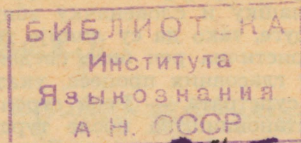

4
Ч-48

К ИСТОРИИ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ТИПА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Т. ЧЕРКАСОВА

Широкий круг задач, относящихся к проблеме сравнительно-исторического изучения славянских языков, нуждается в углубленных исследованиях применительно к отдельным славянским языкам в разных исторических условиях их развития.

Предлагаемая вниманию читателей работа посвящается исследованию процесса образования причинных союзов относительного типа и тех качественных изменений, которые эти союзы претерпели в ходе их развития. Исследование проводится на материале русского языка с привлечением в сопоставительном плане материалов других славянских языков (восточнославянских по преимуществу). Публикация такой работы, как нам кажется, может способствовать пробуждению интереса к углубленному изучению данной проблемы исследователями других славянских языков и тем самым накоплению материалов для сравнительно-исторического изучения этих языков.

Изучение того или иного явления языка, как известно, представляется правомерным и методологически оправданным только в том случае, если оно рассматривается не изолированно, а в системе аналогичных явлений. В этой связи совершенно очевидно, что и описанию процесса образования и укрепления в системе русского языка новых причинных союзов относительного типа **следует** предпослать хотя бы самый общий обзор всех тех грамматических средств, которыми располагал русский язык для выражения **причинных отношений в структуре сложного предложения.**¹

Причинные союзы, употреблявшиеся в древнерусском языке, должны быть разделены на две обширные группы, которые взаимно противопоставляются по сложной совокупности признаков: прежде всего хронологически и с точки зрения происхождения — как „старые” книжные союзы, унаследованные в основном своем составе из общеславянского фонда, и союзы „новые”, образовавшиеся на русской почве в недрах живой народной речи; далее — с точки зрения словообразовательной: новые причинные союзы, в отличие от старых, возникли как фразеологические единицы на почве относительного подчинения; наконец, по функции: новые причинные союзы обладают четким причинным значением с очень

¹ Детальное рассмотрение этого вопроса см.: Е. Т. Черкасова. *Служебное слово бо и его значения в древнерусском языке*. „Ученые записки кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина”, т. LVI, вып. 2. М., 1948.

ограниченным кругом оттенков значения, тогда как старые союзы отличались многозначностью, выражая наряду с причинным значением (различных оттенков и различной степени четкости) также и не причинные, а частью даже и не союзные значения (значения частицы и модального слова).

Факты, засвидетельствованные в памятниках древнерусского языка (XI—XVII вв.), показывают, что до XV в. в употреблении и функционировании причинных союзов каких-либо **Коренных** отличий от старославянского языка не наблюдалось.¹

В древнерусском языке XI—XV вв. для выражения причинных отношений употреблялись следующие причинные союзы:

- а) служебные слова не местоименного происхождения: *бо* и производные от него служебные слова (*ибо, небонъ (небо), убо, либо*); *любо; а; ано*;
- б) союзы, восходящие к формам первоначальных относительных местоимений: *зане, занеже; поне, понеже; имъже, оже (= еже); иже; оли то*;
- в) союзы, восходящие к местоименным наречиям: *яко, якоже; како; егда; елма; иде*.

С точки зрения многозначности наиболее показательно служебное слово *бо*, самое употребительное в XI—XV вв. для выражения причинных отношений.

Случаи употребления *бо* в качестве причинного союза разграничиваются по двум линиям: 1) случаи, в которых причинное предложение, присоединяемое союзом *бо*, находится в прямой связи с господствующим словом объясняемого предложения (условно обозначаем „I” — употребление *бо* в качестве союза с четким причинным значением) и 2) случаи, в которых такой связи причинного предложения с объясняемым предложением не наблюдается (условно обозначаем „II” — употребление *бо* с нечетким, т. е. с ослабленным причинным значением).

В качестве союза с четким причинным значением *бо* выражало разнообразные оттенки причинного значения, которые определялись формой и значением выражения предиката объясняемого предложения:

1) указание причины факта и причины действия — поступка или состояния, составляющего предикат объясняемого предложения — при выражении сказуемого формой изъявительного наклонения: глагол изъявительного наклонения, изъявительное наклонение с нулевой связкой (слово категории состояния, присвязочное прилагательное, предикативное причастие и т. д.):

... бѣ мѣтежь великъ небѣше бо кнѣзь иросла^ѣ... (I Новг. л., стр. 230); ... и кнѣзь ѿ [воинов] ѿпу^ѣ. недостало бо оу нихъ бѣше хлѣ^ѣ... (I Новг. л., стр. 236).

¹ См.: Е. Т. Черкасова. Причинные союзы и их значения в старославянском языке. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР”, 1954, т. IX.

2) Указание причины побуждения к совершению действия, составляющего предикат объясняемого предложения — при выражении сказуемого формой повелительного наклонения (и других форм с императивными функциями):

... оуне ина и боле же чти те гость... ти бо мимо ходѣчи прославѣть челоувѣка по всѣмъ землямъ (Лавр. л., л. 80 об., стр. 246).

3) Указание причины долженствования, возможности, невозможности, необходимости или неизбежности совершения действия, составляющего предикат объясняемого предложения (при форме выражения предиката, относящейся к сфере будущего в широком смысле слова: синтетическая форма будущего времени, условно-желательное наклонение, инфинитив с разнообразными, но не императивными функциями):

Даниинъ безоумнааго не сътворитъ польза никоиже: мало бо въдашь. а мьного испоноситъ (Сб. Святослава 1076 г., л. 170 а, стр. 069), ... а лапъ не дойти до тѣхъ мѣсть, поганыхъ ради: туда бо ходять мнози Срацини и разбивають въ горахъ тѣхъ (Житие игум. Данила, стр. 81).

4) Указание причины того, почему или сообразно чему предмет есть то, что он есть (или почему он не есть то, что он есть). Данный оттенок значения создается грамматической формой сказуемого объясняемого предложения (существительное в форме именительного падежа), что отграничивает эту рубрику от первой, хотя логически от последней не отличается:

... нѣсмъ ти ворожитъ ни мечьникъ не хотѣхъ бо крови твои видѣти оу Стародуба... (Лавр. л., л. 84, стр. 254).

В качестве союза с нечетким причинным значением *бо* выражало разнообразные оттенки причинного значения в зависимости от модального значения объясняемого предложения.

1) Указание на достаточность основания для постановки вопроса („почему я об этом спрашиваю?“) — при вопросительной модальности объясняемого предложения:

... тако ли намъ безъ лѣпахъ хртъ цѣловати хртъ бо есме цѣвовали к тобѣ... (Ипат. л., л. 127, стр. 345; речь идет о вторичной присяге, которую князь Изяслав потребовал от черниговских князей).

2) Указание основания (доказательства), определяющего правильность суждения, обычно выраженного в предшествующем предложении („почему правильно то, что я говорю?“) — при повествовательной модальности объясняемого предложения:

Спанье есть ѿ Бѣ присужено полудне ш тѣ чина бо почиѣть и звѣрь и птици и члвци (Лавр. л., л. 81, стр. 247).

3) Мотивировка акта высказывания („почему я это говорю?“) при восклицательной модальности объясняемого предложения:

... і не да [= „дал“] онань ѿ [Михалка]. браге, аже того оубиете. оубиете мене переже. не въдѣще бо аже о немъ мысль злоу свѣщаша самого ѿ ти, а посадничество дати Михалкоу... (I Новг. л., стр. 267).

В качестве не причинного союза *бо* употреблялось как союз присоединительный, противопоставительный, уступительный и следствия:

... и *баху* ловаще звѣрь *бахуть бо* („и были“) мудрѣ и смыслени и нарицахуса Полане... Ипат. л., л. 5, стр. 7; ср. в Лавр. л.: „и *баху* ловаща звѣрь *баху* мужи мудри и смыслени, л. 4, стр. 9); И есть рѣка та нынѣ суха подѣ землю течеть рѣка та и явится у моря Содомьского, ту *бо* (= „и тут“) входитъ въ Море Содомьское (Житѣе игум. Данила, стр. 68):

Употреблялось *бо* в древнерусском языке и в значении частицы (усилительной и определительной):

Мы же на прѣдне и възвратимъ на горкоюу и бѣдноую памѣт тоу весны. что *бо* (= „же“) рещи или что глѣти о бывшей на наѣ ѿ Бѣ казни (I Новг. л., стр. 225—226); Гюрги же то слышавъ, скупѣ силу свою поиде ис Кіева, и Половци *бо* (= „и даже половцев“) бѣше дикыи привелъ в помощь собѣ... (Ипат. л., л. 140 об., стр. 386); ... имя горѣ той Ливанъ; на той горѣ рожається ливанъ и теміанъ былый. И съ тоя *бо* горы (= „с той именно горы“) Ливаньскія идета 12. рѣцѣ велицѣ... (Житѣе игум. Данила, стр. 109).

И, наконец, в памятниках древнерусской письменности, исследованных нами, засвидетельствованы и случаи употребления *бо* в значении модального слова (= „поистине“, „де“, „дескать“):

И егда сію грамотку писалъ, въ то время старецъ ко мнѣ присылалъ изъ иныя избы стрѣльца с радостію: не кручинься *бо* (= „де“) обо мнѣ, и мнѣ *де* дала языкъ Пресвятая Богородица, говорю — *де* и азъ благодатію Божіею (Аввакум. Зап., л. 20, стр. 706—707; ср. в вариантах ДХ: „не кручинься — *де* и обо мнѣ“).

В качестве причинного союза *бо* в памятниках древнерусского литературного языка сохраняло свою господствующую позицию вплоть до XV века. В этот период оттенки значения *бо* являлись своеобразной стилистической пометой: разные жанры и стили характеризовались предпочтительным употреблением *бо* с определенными оттенками значений. Так *бо*, присоединяющее предложение с указанием причины факта, было характерно для описательных стилей (паломническая литература) и описательных пластов памятников разных жанров; *бо*, присоединяющее предложение с указанием причины действия (поступка) или состояния, было характерно для повествовательных стилей (летописное повествование) и повествовательных пластов памятников других жанров (преимущественно житийной и паломнической литературы) и т. д.

С течением времени господствующая позиция *бо* в качестве причинного союза ослабляется. Уменьшается употребительность *бо* в качестве причинного союза.¹ Наряду с количественными, происходят и качественные изменения в системе значений *бо*. Много-

¹ В деловой письменности как ранней, так и XVI—XVII вв. случаи употребления *бо* отсутствуют.

значность *бо* растет, причинное его значение ослабевает, и *бо* становится недостаточно выразительным для передачи причинных отношений. Увеличивается употребление *бо* в значении непричинного союза. Наряду с этим появляются далеко не единичные случаи немотивированного употребления *бо*, свидетельствующие о том, что *бо* перестает быть живой формой в сознании говорящего. Появляются и увеличиваются случаи, в которых *бо* отступает с своего традиционного места в порядке слов причинного предложения.

Причинные союзы, производные от *бо*, примеры использования которых можно встретить преимущественно в древнерусских памятниках „высокого стиля”, были малоупотребительны. Союз *ибо*, совмещающий функции союза с ослабленным причинным значением с функцией союза присоединительного (= „и”), был характерен для церковных стилей древнерусской письменности и для памятников русского языка, отражающих влияние юго-западной письменности.¹ Союз *небонъ* (*небо*), также характерный для церковных стилей письменности XI—XV веков, позднее встречается только в цитатном материале. Союз *убо*, совмещающий функции причинного и заключительного союза, к XVI веку встречается, как правило, только в составе сложных причинных союзов (*понеже убо, занеже убо*).

Союз глагольного происхождения *любо* и этимологически не имеющий с ним никакой связи, подобозвучный союз *либо* совмещают функции причинного и разделительного союзов.

Союзы *а, ано* в причинном значении — в Путеш. Афан. Тверитина по списку XVI века заменяются союзом *потому что* в списке XVII века.

Малоупотребительные (по преимуществу — в летописном повествовании) союзы *зане, занеже* позднее (к XVI веку) обычно выступают только как составная часть сложных союзов (*зане яко, зане бо, зане убо*).

Употребление в качестве причинного союза служебного слова *поне*, выступавшего в древнерусском языке в функции уступительного союза и частицы (= „хотя”, „хотя бы только”, „даже”), в обследованных нами памятниках представлено единичными примерами.

Редкий в памятниках XI—XV вв. союз *понеже* позднее получает более широкое распространение в полемической и церковно-полемической литературе и проникает в деловую письменность (Пут. Толстого, Дело Никона, Котошихин). Наряду с причинным, этот союз выступает и в значении временного (Лавр. л., Катывев), и в значении относительного слова (= „что”) (Проскинитарий). В памятниках XI—XV вв. наблюдаются случаи немотивированного употребления *понеже* (Вопросы Кирика, стр. 28; Лавр. л., стр. 254;

¹ См. также: Т. А. Шуб. К генезису и истории союза „*ибо*” в славянских языках. „Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та”, т. XV. Факультет языка и литературы, вып. 4. Л., 1956.

Временник Тимофеева, стр. 424 и др.). С XVI—XVII вв. учащаются случаи употребления *понеже* в составе сложных союзов (*понеже бо, понеже убо*).

Единичны случаи употребления в памятниках XI—XV вв. других причинных союзов местоименного происхождения: *имъже* (житийная, проповедническая литература); *оже* (I Новг. л., Лавр. л.); *иже* (Хожд. Ст. Новгородца); *али то* (Лавр. л.), *который* (Лавр. л.).

Многочисленны были и союзы *яко, якоже*, встречающиеся по преимуществу в торжественных стилях и в цитатном материале. Кроме причинного, эти союзы выступали и в других значениях (изъяснительном, сравнительном, целевом и следствия).

Единичны были случаи употребления (до XV в.) в значении причинных союзов наречий времени (*егда, елма, иде*) и сравнения (*какъ*).

К концу XV — началу XVI в.в. в недрах деловой письменности появляются и к XVII в. получают широкое распространение новые производные причинные союзы, восходящие к склоняемым формам указательных местоимений (*потому что, оттого что, для того что, затем что*).¹ Круг значений этих новых союзов был значительно уже круга значений старых причинных союзов, особенно *бо*. Новые причинные союзы специализировались в качестве грамматического средства выражения причинных отношений в строгом смысле слова: причина факта, причина действия — поступка или состояния. Новые причинные союзы относительного типа вытеснили старые причинные союзы из деловой письменности и распространились в разных жанрах литературного языка (в первую очередь в паломнической литературе). Старые причинные союзы в XVII в. сохранялись преимущественно в памятниках с архаическим строем языка, в профессионально-церковной письменности, в литературных произведениях высокого стиля, а также в памятниках, отражающих влияние юго-западной письменности.

В результате этого сложного и длительного процесса старые книжные причинные союзы утрачиваются; прежде других старых причинных союзов утрачивается многозначный союз *бо*.

¹ Причинный союз *так как*, в котором причинное значение развилось на базе сравнительного, по наблюдениям В. В. Виноградова, появляется позднее, в конце XVIII — начале XIX вв; он образуется из слияния двух местоименных наречий: *так* и *как* в официально деловом и в близких к нему стилях повествовательной прозы. („Русский язык. Грамматическое учение о слове“. М.—Л., 1947, стр. 719). Это мнение подтверждается и данными нашего исследования: до конца XVII в. случаи употребления *так как* в качестве причинного союза в исследованных нами памятниках древнерусского языка и в народных говорах отсутствуют, в фольклоре такие случаи единичны. Только один раз встречаем это сочетание в значении сравнительного союза (Аввакум, Книга бесед, стр. 308).

I

Новые причинные союзы „образовались из слияния полного члена главного предложения (*потому, оттого, затем* и т. д.) с союзом *что* придаточного предложения”.¹ Слияние указательной и относительной частей союзов произошло в результате утраты конкретного лексического значения этих частей и перехода к выражению чисто логических отношений.

Этот процесс находит себе соответствие как в украинском и белорусском языках, так и в других славянских языках. Ср. в украинском: *тим що; тому що*; в старобелорусском: *потому ижь, для того ижь, для того же, затымь што*; в современном белорусском: *таму што, таго що, аттаво што, патаму што*. В польском языке „предложения причины, начинающиеся союзом *że (iż)* обычно имеют соотносительное слово в главном предложении, главным образом, если следуют за ним. Такими соотносительными словами бывают наречия и наречные выражения *dlatego, stąd, przeto* и т. д., а также *тym* со сравнительной степенью”.² Ср. в современном польском языке причинные конструкции с союзом *dla tego że*.³ Beaulieux указывает на употребление в качестве причинного союза в болгарском языке на *за тов ѝ че*, (= „что”), которое также восходит и относительной конструкции.⁴ В исследованных нами материалах чешского и сербского языка такие конструкции отсутствуют. Можно предположить, что в чешском языке союзы *protóže, protož* возникли путем слияния сочетания указательной (*pro+to*) и относительной (*že*) частей. С одной стороны, на эту мысль наводит замечание А. А. Потебни: „это *že* [польское, чешское. — Е. Ч.] следует отличать от общеславянской частицы *же*, не заключающей в себе местоимения; чешко-польское *že* (= что) есть местоимение относительное среднего рода соответствующее указательному *to*: „*wim (to), že mi prejš etsy*.”⁵ с другой стороны — замечание Gebauer’a: „сложное предложение: *a to proto (se děje), nebo každý k sobě podobně miluje (Alb. 22b)*” ... в новом языке было бы выражено так: „*a to proto (se děje) ... že ...*”.⁶

В древнерусском языке новые причинные союзы относительного типа представляют собою новообразования, имеющие в своей первой части падежные формы указательного местоимения *то* в сочетании с разными предлогами (*по, от, для, за*), а во второй — относительное слово *что*. В этих сочетаниях *что* выступает в роли относительного слова, уже утратившего согласование с указатель-

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 427.

² А. Krasnowolski. Systematyczna składnia języku polskiego. Kraców. 1909, стр. 247—248.

³ А. Meillet et m-me H. de Willman-Grabowska. Grammaire de la langue polonaise. Paris, 1921, стр. 215, § 197.

⁴ L. Beaulieux. Grammaire de la langue bulgare. Paris, 1933, стр. 354, § 280.

⁵ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике IV. М.—Л., 1941, стр. 227.

⁶ J. Gebauer. Historička mluvnice jazyka českého. Ckladba. V. Praze. 1929 стр. 70.

ным словом главного предложения. Процесс утраты этого согласования, по наблюдениям Потевни, протекал таким образом: „*Что* первоначально согласуется с единственным числом среднего рода: „се предаю ти монастырь на сблюденье, еда будеть *что* (= „которое” — Е. Ч.) смятенье въ немъ” (Лаврент. лет., 2, 182). Затем — с единственным числом мужского и женского родов имен не личных: „А возьмешь бояринъ или ... недѣлщикъ на комъ *что* (= „который”. — Е. Ч.) лишекъ и на томъ взяти втрое” (Судебник 1550. — Акты историч. I, 221). Далее *что* становится относительным, поставляемым, как в старом языке *который*, в придаточном предложении препозитивном и еще сохраняет связь с существительным: „*Что* (= „который”. — Е. Ч.) ихъ *монастырь*... на Клязьмѣ... и на тотъ монастырь не ѣздятъ некоторые мои воеводы, некоторые ѣздоки” (Акты Археограф. экспед. I, 17, 1428 г.). Далее несогласованность в числе: *Что* (= „который. — Е. Ч.) ихъ люди монастырьскіе старожилцы разошлись жити по инымъ местомъ... ино имъ... ненадобъ моа дань” (ibid. 1.30, 1446 г.). Наконец, *что* совершенно разрывает связь с существительным и становится союзом, связывающим придаточное определительное с главным, причем, как и при *который* придаточное сначала препозитивно”.¹

Причиной утраты согласования в этом случае, по мнению Л. А. Булаховского, является „прежде всего и, главным образом, зависимость относительного слова от управляющего слова в придаточном предложении или его роль подлежащего в придаточном сравнительно с управляющим словом главного”...² „Дальнейший шаг в смысле утраты согласования представляют многочисленные сочетания указательной части с относительной — *что*, в котором уже нельзя более вскрыть его прежнюю склоняемость, *потому что* (из по тому, что), таким образом, что...”.³

Широту, т. е. неопределенность значения относительного слова *что* Ф. Е. Корш показывал на примере русского *что* и украинского *що*: „не все народы нашли нужным или возможным создать себе относительные местоимения в полном смысле этого слова, т. е. вполне определенные и склоняемые замены существительного в подчиненном предложении: некоторые из них остановились на относительных частицах, т. е. на каких-нибудь неизменяемых образованиях относительного (указательного или вопросительного) корня со значением первоначально определенным, но впоследствии расширенным до такой степени, что они становились годными для выражения относительного подчинения вообще”.⁴

Ср. белорусское *што*, которое „очень распространено в качестве союзного слова в придаточных предложениях; оно употребля-

¹ А. А. Потевня. Из записок по русской грамматике, IV, стр. 216.

² Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Киев, 1952, стр. 341.

³ Там же, стр. 343.

⁴ Ф. Е. Корш. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877, стр. 26—27.

ется более часто, чем соответствующее местоимение *что* в русском языке. *Што* в качестве относительного слова употребляется в белорусском и разных значениях. Кроме основного своего значения — дополняющего, местоимение *што* может заменять разные падежи от *яки, каторы*.¹

Позднее в древнерусском языке в качестве относительного слова, наряду с *что*, встречаем *какъ*.

В результате утраты лексического значения местоименным формантом новых причинных союзов относительного типа *что* формализуется, и этим открывается путь к переходу от первоначально свободных словосочетаний вещественного значения к грамматикализированным фразеологическим единицам, в которых *что* сливается прежде всего с наречием *потому*, а позднее — по этой модели — с наречиями *оттого, затем, для того*.

Вопрос о становлении новых причинных союзов относительного типа (*потому что, оттого что* и т. д.) вплотную подводит нас к проблеме образования фразеологической единицы определенного типа и в связи с этим — к рассмотрению процесса формализации другого ее компонента: сочетаний падежных форм указательного местоимения *то* с разными предлогами (*по, от, для, за*), утратой лексического значения которых и предопределяется слияние отдельных вещественно-значимых компонентов в фразеологическую единицу чисто грамматического значения (речь идет о фразеологической единице, образующей причинный союз).

Процесс образования слов этого типа уже давно привлекал внимание наших отечественных ученых. Уже В. К. Поржезинский, говоря о „слитных” словах типа *потому что*, писал: „Для того, чтобы то или другое словосочетание . . . могло стать по значению одним словом, необходимо должно произойти изменение его значения так, чтобы в результате данный целый комплекс не распался на части без утраты или изменения данного значения.”² Об этом же писал и Е. Ф. Карский, называвший подобные слова „сложными”: „Сложное слово получается тогда, когда два (или более) слова, стоящие в предложении, в известном синтаксическом соотношении друг к другу, так тесно сливаются между собою, что получают новое значение³ . . . Сложных слов и среди союзов . . . есть немало”.⁴ Позднее исследователь, ставящий перед собой задачу изучить фразеологические единицы, образующие причинный союз, находит методологическую опору в тех работах В. В. Виноградова, в которых проблема превращения свободных сочетаний слов в со-

¹ Синтаксис беларускай мовы пад рэд. Я. Коласа, К. Гурскага і Г. Шкляра. Мінск, 1939, стр. 123.

² В. Поржезинский. Введение в языковедение, М., 1913, стр. 155.

³ Е. Ф. Карский. Белоруссы. Т. II. ч. 2 Варшава, 1911, стр. 113.

⁴ Там же, стр. 128.

четания несвободные, фразеологически связанные, подвергается принципиальному, обобщающему анализу.¹

Материал исследованных нами памятников древнерусского языка позволяет прежде всего выделить группу случаев, где компоненты фразеологической единицы формализованного причинного значения выступают в первоначальном, т. е. разрозненном виде, в свободном и несвободном значении. Разные сочетания компонентов новых причинных союзов относительного типа находим на разных стадиях их превращения в причинный союз. Все эти стадии находим одновременно, и это, повидимому, объясняется тем, что в живой речи эти союзы уже не только сложились, но и получили широкое распространение. В связи с этим эти стадии описываются нами не в порядке хронологической последовательности, а в порядке указания общей закономерности их развития.²

Детальному анализу изучаемого нами процесса следует предпослать рассмотрение вопроса о значении и употреблении компонентов данной фразеологической единицы, выступающих в разрозненном виде в свободном значении, во-первых, вопроса о значении и употреблении компонентов этой же фразеологической единицы, выступающих в разрозненном и слитном виде в несвободном значении, во-вторых.

а) Употребление компонентов фразеологической единицы, выступающих в свободном значении, которое опирается на номинативное употребление слова и имеет твердую предметно-смысловую опору в самом слове и в его отношении к действительности, не требует определенного фразеологического окружения. Сюда относим:

1-а) Сочетания предлога с падежной формой существительного, предметно-смысловая опора которых ясна без добавочных разъяснений; сочетания падежных форм существительного с тем или иным предлогом—обороты, которые издревле были в активном фонде древнерусского языка для выражения причинных отношений (*по* + дат. п. имени существительного; *отъ* + род. п.; *для* (*дѣля*) + род. п.; *за* + твор. п.):

... *по грѣхомъ* нашимъ погыбе земл наша (I Новг. л., стр. 24); ... *запустѣла та деревня отъ голоду* (Новг. писц. кн., т. VI, стр. 843); ... *ходи Стопѣлкъ* ... на Соуждалѣ и воротишасѣ рас-

¹ См. В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. „Труды юбилейной научной сессии ЛГУ (1819—1944)“, 1946; Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В сб.: „А. А. Шахматов (1864—1920)“. М.—Л., 1947; Основные типы лексических значений слова. „Вопросы языкознания“, 1953, № 5. Ср.: Ch. Bally, *Traité de stylistique française*. Heidelberg, 1909, § 93.

² Все эти стадии полностью документированы только для причинного союза *потому что*. В дальнейшем изложении мы применяем использованные здесь условные обозначения сочетаний компонентов союза *потому что*, выступающих в разрозненном и слитном виде в свободном значении („Ia“, „Iб“, „Iв“) и компонентов этого же союза, выступающих в разрозненном и слитном виде в несвободном значении („IIa“, „IIб“, „IIв“, „IIг“), и для других союзов относительного типа. При этом отмечаем, что в образовании этих последних некоторые из указанных стадий в памятниках не засвидетельствованы.

поутиа ѿбла (I Новг л., стр. 49); ... боудеть пошмотрѣ тѣмъ слѣжи-
лымъ людемъ на гдрвѣ слоужбѣ въпрамѣ застаростью, или за-
оувѣчьемъ, или заболѣзнью быти немощно (Улож. Ал. Мих., стр.
80, гл. 7, ст. 17.—1649 г.).

I-б) Сочетания предлога с падежной формой существительного с предшествующим ему определенным, выраженным указательным местоимением:

... а соудное дѣло вершити *потомъ сыскъ* и по обыскомъ...
(Улож. Ал. Мих., гл. 10, ст. 163, стр. 138).

Здесь то же предложно-именное сочетание, выступающее в обстоятельственной функции, осложняется введением уточняющего определения, выраженного указательным местоимением *то*, согласующимся с определяемым существительным.

I-в) Сочетания предлога с падежной формой субстантивированного указательного местоимения *то*, в которых в результате опущения существительного происходит субстантивация местоимения, абстрагированного в среднем роде:

А звѣдают бояре и пѣриказные, что хрестияне в обыскахъ не лгали, сказали правду, ино им сказывати гсѣрю, дело сыскав *по тому* вершити (= „на основании того, что покажет сыск“) (Судебн. Феод. Иоанн., § 217, стр. 54).

Переход от свободных значений к фразеологически связанным обуславливается прежде всего присоединением относительного слова *что*. Этот процесс не так очевиден, как в случаях, где компонентами фразеологической единицы являются слова с конкретным и устойчивым вещественно-лексическим содержанием (ср. *как пить дать*, *спустя рукава*, *сломя голову* и т. д.). Теория фразеологии в отношении несвободных словосочетаний причинного союзного значения чрезвычайно осложняется: мы имеем дело с причинными союзами, категорией абстрактного значения, компонентами которых являются не менее абстрактные категории: местоимения и слова чисто формального значения (предлоги). Ослабление вещественного значения здесь обусловлено прежде всего тем, что мы имеем дело с местоимением. Хотя местоимения не являются в общем чисто формальными грамматическими словами и среди них есть слова и вещественные и вещественно-грамматические (например, указательные *тот*, *этот*),¹ тем не менее это вещественное значение не является устойчиво-конкретным: „местоименные слова отчасти должны быть включены в группу указательных слов с меняющимся применением и, следовательно, с меняющимся конкретным содержанием в зависимости от субъекта, обстановки, ситуации речи... В разговорной речи обстановка и синтаксико-фразеологические связи, в книжной речи контекст определяют смысл местоименных слов, их отношение к конкретным предметам и явлениям”.²

¹ См.: А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I—II. Харьков, 1888, стр. 26.

² В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 323.

В несвободном значении в памятниках древнерусской письменности засвидетельствованы следующие модели:

II-а) Переходные случаи: сочетание предлога с падежной формой субстантивированного местоимения *то* и относительным словом *что* (не в причинном значении):

... у насъ пасха и мы не торгуемъ, ... а они [турки] де будутъ всё въ своихъ лавкахъ сидѣть, *потому* и узнать, *что* они не нашей вѣры ... (Проскинитарий 1649 г., стр. 40).

II-б) Переходные случаи: сочетание предлога с падежной формой субстантивированного местоимения *то*, приобретающее значение наречия с союзным оттенком:

— „Почему у тебя жеребцы не изъедаца? I взгшворить тутъ бшяринъ Ставеръ Гаденовичъ таковш словш: „*Потому* у меня жеребцы не изъедаѣца: севшдни я поехалъ на томъ жеребце, а завтра поеду на другомъ жеребце, всегда у меня жеребцы перемѣнныя: *потому* шни не изъедаѣца” (Русск. был. Тихонравова, стр. 54).

II-в) Фразеологическое сочетание, в состав которого входит наречие и относительное слово *что*, выступает в значении причинного союза:

... *потому* къ тебѣ дворяне цесареви не пришли, *что* еси пришешь съ дороги, и тебѣ докуки некоторые чинити Государь нашъ не велѣлъ, чтобъ тебѣ было нынѣ покойно ... (Пам. дипл., т. I, стр. 755. — 1578 г.).

II-г) Причинный союз *потому что* как фразеологическое единство:

... А лѣсъ пашенной и черной непашенной не деленъ *потому что* стала зима (Дела Тайн. пр., кн. II, стр. 798. — 1604 г.); И судьи спросили Матѣя: „Почему ты ту полдеревни называешь своею?” ... И Матѣй тако рекъ: „... а полдеревни, господине, называю своею, *потомушто* дала ми, господине, matka моя мнѣ опосле своего живота” ... (Арх. Стр. т. I, стр. 207—208, № 125 — 1532 г.).

Вопрос о том, как классифицировать последние случаи (как фразеологические единства или как фразеологические сращения), для древнерусского языка представляется неразрешимым. Производные союзы и в современном русском языке еще не прошли весь путь синтаксической формализации: „многие из этих союзов являются конкретными фразеологическими единствами. В них смысловая „идиоматичность”, неразложимость союзного речения, еще не вполне установилась. Это — фразеологические единства, в которых еще ощутимы отдельные компоненты”.¹ Путь синтаксической формализации причинных союзов древнерусского языка был еще более далек от своего завершения. Вытекающая отсюда характерная способность некоторых составных союзов — распадаться на части таким образом, что указательные компоненты, отделяясь от союзов *как* и *что*, входят и строй определяемого пред-

¹ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 722.

ложения как обстоятельственные наречия, также наиболее ясно обнаруживается в древнерусском языке.

Важнейшим критерием для разрешения этой проблемы в современном русском языке является интонация. Интонацией определяется полный отход указательной части к придаточному предложению. В качестве примера такого полного отхода указательной части к придаточному предложению исследователями современного русского языка приводится причинный союз *так как*, „совершенно утративший возможность выступать с ударением на своей первой части”.¹ Далее отмечается „подвижность границы между соответственными главными и придаточными предложениями, зависящая от распределения логического ударения и паузы (на письме этому соответствует возможная передвижка запятой)”.² В этом случае утрата ритмической обособленности идет параллельно переходу значений, уже не совпадающих с теми, которые принадлежат отдельным частям. В причинном союзе *так как* „слияние вполне закончено, потому что „сделал так, как велели” уже не может иметь причинного смысла”.³

Таким образом, в целом, в истории причинных союзов в русском языке мы вправе говорить о наличии и фразеологических сочетаний, и фразеологических единств, и фразеологических сращений (*так как*); в отношении же причинных союзов древнерусского языка мы не располагаем объективными критериями для решения этой проблемы: интонация древнерусского языка нам неизвестна, пунктуация памятников ненадежна. Трудности изучения древнерусского языка с этой точки зрения и вынуждают нас признать оба последние случая („II-г”) фразеологическими единствами, отнюдь не исключая того, что уже в то время возможны были и фразеологические сращения (об этом свидетельствуют случаи употребления причинных союзов *что, как, потому* и др., возникших на базе эллиптического употребления).

II

Как уже отмечалось выше, в обследованных нами памятниках древнерусского языка указанные выше стадии формирования полностью документированы для союза *потому что*; естественно в связи с этим, что именно с него и следует начать описание процесса формирования новых причинных союзов относительного типа.

а) Компоненты фразеологической единицы *потому что*, выступающие в разрозненном виде в свободном значении, в древнерусском языке широко использовались для выражения разнообразных логических отношений.

¹ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. стр. 340.

² Там же.

³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис..., стр. 427.

1-а. Сочетание предлога *по* с дат. п. имени было очень употребительно для выражения причинных отношений в строгом смысле слова:

... *по грѣхомъ* нашимъ погыбе земля наша (I Новг. л., стр. 24); ... да (= „дал”) *по бѣгсловленью* ... (Двинск. грам. XV в. № 54, стр. 73); ... имъ в людей коунъ не имати *по правоу словоу* и *по хрестномуу челованию* ... (Двинск. Грам. XV в. № 98, стр. 123); А въпред всякие дела судити *по сему судебнику* и управы чинити *по указу*, как гдрь укажет ... (Судебн. Феод. Иоанн., § 200, стр. 50. — 1589 г.).

1-б. Сочетание предлога *по* с дат. п. существительного, которому предшествует в качестве определения указательное местоимение *тот* (в единичных случаях *сей*) было не менее употребительно для выражения значения основания для совершения действия, выраженного сказуемым:

... имати пошьлина *по тому же указу* (Судебн. Феод. Иоанн., § 12, стр. 13. — 1589 г.); И какъ къ вамъ ся грамота придетъ, и вы бѣ тотчасъ ... ратнымъ людемъ наемные деньги собрали ... *по тому же договору* (= „в соответствии с тем договором”), почему имъ сошны люди наемные деньги давали *при вась напередъ того* (Арх. Строева, т. II, стр. 137, № 66. — 1607 г.); ср.: ... быти намъ съ нимъ въ братствѣ ... *по сей грамотѣ* ... (Пам. дипл., т. I, стр. 39. — 1488 г.).

1-в. Сочетание предлога *по* с дат. п. субстантивированного местоимения *то* чаще всего выражало значение основания для совершения действия, выраженного сказуемым, но в то же время по значению было близко и к выражениям: „таким же образом”, „в соответствии, сообразно с чем-либо”:

... и про того обыскати: было ли у него столко живота и котрымъ обычаемъ тотъ у него животъ взять да и *по тому* (= „на основании того”, „в соответствии с тем”) *то дѣло* и вершити (Судебн. Иоанн IV. § 75, стр. 241. — 1555 г.); ... и на чомъ де будетъ договоръ, и ему *по тому* (= „в соответствии с тем”, „на основании того”) и дѣлатъ (Арх. Строева, т. II, стр. 137. — 1611 г.); ... коли зеліе положишь въ сало да мѣшай, да умѣшавъ тоже иное положити, а иное *по тому же* (= „таким же образом”) мѣшати ... коли учнешь сперва лѣчити ино мазь класти у лѣвья ноги съ пяты до колѣна верхъ, да за колѣно въ далонь, а другую ногу *по тому же* (= „таким же образом”) (Лечебник XVII в., стр. 6, пункт 11):

Ср. параллельные конструкции с дат. п. субстантивированного местоимения *что*:

А *по чему* (= „на основании чего”, „в соответствии с чем”) впередъ игумену Семіону тѣмъ мытомъ владѣть, и бояринъ князь Василей ... велѣли дати правую грамоту ... (Арх. Строева, т. I, стр. 615, № 313. — 1584 г.).

Сочетание предлога *по* с дат. п. субстантивированного местоимения *то* использовалось также и для выражения значения ко-

личественного соответствия в смысле „столько же, в такой же мере”):

Да Нижегородскимъ двѣма сотникомъ дати на тотъ же день по два хлѣба по осми денегъ, да по два колача... а въ постные дни давати хлѣбовъ и колачей *по тому жь*... (Арх. Строева, т. II, стр. 207, № 117. — 1611 г.); ... а дикова поля добрые земли девяносто пять четвертей, а въ дву *по тому жь*... (Арх. Строева, т. II, стр. 758, № 390. — 1631 г.); ... пашни перелогомъ 20 четвертей, а в дву *по тому-жь* (Новг. писц. кн., т. VI, стр. 869); для выражения временных отношений („после того”, „потом”): ... христиане отъ митрополита возжегше свѣщи своя, а турки *по тому же* свѣщи возжегше... (Житие Гагары, стр. 37, 1634—1637 г. г.; в вариантах „*по томъ же*”. Речь здесь идет о порядке, в каком происходило зажигание свечей).

б) Компоненты фразеологической единицы *потому что*, выступающие в разрозненном и слитном виде в несободном значении, засвидетельствованы в исследованных нами памятниках древнерусского языка на разных стадиях¹ их перехода в фразеологическую единицу.

1-ая стадия. Переходные случаи, в которых сочетание предлога *по* с дат. п. субстантивированного местоимения *то* приобретает значение наречия с союзным оттенком. К некоторым из этих случаев, встреченных нами преимущественно в фольклоре, применимо замечание А. М. Пешковского: „Есть в языке не мало слов приобретших союзный оттенок сравнительно недавно и сбивающихся еще то на наречие, то на вводное слово. Обладая еще малой, так сказать, союзной силой, они не могут сливать соединяемых предложений в нечто целое и потому употребляются преимущественно после паузы, хотя в отдельных случаях могут создавать и сложные целые. Таковы: *затем... потому...*”² Все эти слова могут играть и вспомогательную союзную роль, присоединяясь к союзам первого рода [*и, а, но*], и в этих случаях они, конечно, могут связывать части сложного целого”³ Ср.: ... изъ ихъ думы одинъ Иванъ Федоровичъ былъ на пыткъ и ни на кого изъ нихъ не говорилъ, *потому* одного и казнили... (Роспросные речи 1609 г., мая 8 и 9).

В подобных случаях *потому* препозитивно в отношении господствующего слова („*потому... казнили*”) и постпозитивно в отношении выражения причины („... был на пытке и ни на кого из них не говорил, *потому* и казнили”). *Потому* имеет здесь очень „слабое союзное значение” (вставить *потому что* вместо *потому* нельзя), следственное по смыслу (= „поэтому”, „вследствие этого”, „вот по какой причине”). Слабость союзного значения называется и в том, что *потому* выступает здесь в роли обстоятельного слова, и лексическое значение его, хотя и резко осла-

¹ См. выше (стр. 45) замечание о том, что описание этих стадий дается не в порядке хронологической последовательности, а в порядке определения общей закономерности развития этих союзов.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 424—425.

³ Там же, стр. 427.

блено, но еще не совсем утрачно (*потому* является эквивалентом выражения причины). Интонация в этих случаях очень показательна: перед *потому* можно предположить паузу, а на самом этом слове логическое ударение. Это предположение об интонации находит себе обоснование в том, что предложение с *потому* является ответом о причине, причина эта подчеркивается, и этому в интонации и должна соответствовать пауза перед *потому* и логическое ударение на нем.

2-ая стадия. Переходные случаи, в которых фразеологическое сочетание наречия *потому* с относительным словом *что* (*потому... что*) близко по значению к выражениям: „вследствие того, что”; „в силу того, что”. Во всех этих случаях слияния компонентов *потому что* еще не произошло; они выступают в своем первоначальном, т. е. разрозненном виде. Первая часть (наречие *потому*) является членом объясняемого предложения (обстоятельством причины) и сохраняет свое лексическое значение (= „по той причине; вследствие того; ввиду того”). Ср.:

... а иная рыба не продана и вдаль залежитца *потому*, г [осподине], *что* после Николина дни денежных купцов на рыбу не живет ... (Акты Морозова № 78, стр. 144. — 1650 г.); Одна лише у нас во всемь Азове городе церков Николя чудотворца в полы осталас, *потому* ея столко осталос, *что* она стояла внизу добръ у моря под гору (Пов. об. Азовск. сиден., стр. 110; ср. во второй редакции: *по тому что*, стр. 150).

3-ья стадия. Причинный союз *потому что* как фразеологическое единство.

Первые случаи употребления причинного союза *потому что* встречаем в Правых грамотах 1478—1490 г. г. (Архив Строева). В XVI веке случаи употребления причинного союза *потому что* встречаем также только в памятниках делового языка. В первой половине XVII века, наряду с ростом употребления *потому что* в памятниках делового языка и в научной литературе наблюдаем первые случаи проникновения этого союза и в памятники литературного языка (паломническая и переводная литература). Во 2-ой половине XVII века *потому что* становится не только самым употребительным причинным союзом в памятниках делового языка, но и шире проникает в памятники литературного языка: *потому что* находим не только в паломнической и переводной литературе, но и в других жанрах (повествовательные, церковно-полемические). Засвидетельствованные в разговорниках Лудольфа, а также в фольклоре и в материалах народных говоров случаи употребления *потому что* указывают на то, что причинный союз *потому что* был обычен для разных стилей разговорной речи. В порядке слов причинного предложения *потому что* обычно занимает первое место. В случаях переходного типа, где *потому... что* еще не является причинным союзом в полном смысле слова, наблюдаем случаи разрыва компонентов *потому... что* какимлибо иным словом или группой слов из объясняемого предложения. Предложение с *потому что* обычно постпозитивно.

Причинный союз *потому что* в древнерусском языке использовался главным образом для выражения причины в строгом смысле (причина факта, причина действия — поступка или состояния):

В памятниках делового языка: ... князь ... старца Троецкого Фегноста ... обвинилъ, *потому что* Фегносьть передъ княземъ ... на срокъ на Зборъ не сталь ... (Арх. Строева, т. I, стр. 48. № 43. — 1478 г.); ... а запусъла [деревня] лѣтъ с 15, *потому что* описью дорога (Новг. писц. кн., т. VI, стр. 993. — 1564); ... пашню отдалъ изъ оброку денежного, *потому что* сѣяти самому ничимъ (Дела Тайн. пр., № XXXIII, стр. 469. — 1602 г.); ... а того де въ поученіи говорилъ ли [патриарх Никон] или нѣтъ, того де подлинно не упомню, *потому что* вскорѣ заскорбѣлъ и посямѣсть болю (Дело Никона, стр. 34. — 1660 г.); И онъ Ларіонъ ему Ивану сказаль: при семь де я человекъ говорить не смѣю, *потому что* онъ мнѣ не признателенъ (Роз. д. Шакл., т. I, стр. 94. — Извѣст слободчика 1689 г.); ... а иные бояре брады свои уставя ничего не отвѣщаютъ, *потому что* царь жалуеть многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотъ не ученые и не студерованные ... (Котошихин, гл. II, 5, стр. 19. — XVII в.); В паломнической литературе: А во Египетъ никакова оwoшу не родится, опричь сахару и ѳениковъ и садовъ никакихъ нѣтъ, *потому что* жаръ немѣрный (*Житіе Гагары*, стр. 15—16. 1634—1637 г.г.); ... а подобіемъ Царьградъ дологъ и на концѣ позакривился, *потому что* и затонъ позакривился и на концѣ отъ моря съузился (Проскинитарій, 1649 г., стр. 17); В научной литературе: Немецкѣ наро^у издавна ѳколле пошел, тому писма нѣтъ, *потому что* люди были грубы, актому погане, никакова писма неумѣли ... (Космография, стр. 102. — 1670 г.); В разговорной речи: Болъ съ играть *по томъ что* чаще проиграю нежели выиграю (quopiam, weil) (Лудольф, стр. 82); ... никою не чаемъ себѣ живота. съ часу на часъ ожидаемъ смерти, *потому что* у насъ, в осадѣ, шатость и измѣна великая (Письмо Кс. Годуновой, 1609 г., марта 29); Ерышетца у меня по брюху, *потому что* не ел ... (История о голом по алфавету, стр. 23. — XVII в.). Ср. в фольклоре и народных говорах: I язъ не могу против такового славнаго кароля стоятъ (ь), *потому что* у него войска соберетца многа ... (Сказ. про Бову Королевича, стр. 2. — XVII в.); А ему объяснили все, что она [девушка] ему [жениху] говорила загадками: безносимиъ назвала дѣвица его *потому что*, что когда парень входилъ въ избу не высморкался (Сказки северные, стр. 485). Ср. в народных говорах: Вышли, пэмалцали, *патаму що* нехто не зналъ цавѣ баить и маршъ в избу (Диал. мат-лы, стр. 76. — Рязанск. губ., Егор. у., с. Леки); Блисъ Ворныва диревень нѣтъ на нашей стыранѣ, *пытаму-ща* мѣснасть балѣтистая ... (Диал. мат-лы, стр. 90. — Рязанск. г., Егор. у., с. Леки).

Значительно реже встречаются случаи употребления *потому что* для выражения причины побуждения к совершению действия. В этих случаях *потому что* по преимуществу присоединяет причинное предложение, заключающее в себе указание причины побу-

ждения к совершению действия, выраженного сказуемым объясняемого предложения в форме инфинитива, реже — при помощи формы повелительного наклонения, еще реже — формой с *бы*. В этом значении *потому что* встречаем обычно в законодательных положениях или в распорядительных письмах:

А хто на мошеннике или на оманшике взыщет тог(о), что ег(о) оманул... ино его бити кнутомъ, а исцева иску не правити, *потому что* одинъ оманывает, а другой догадываисе, а не мечися на дешевое (Судебн. Феод. Иоанн., § 112, стр. 32. — 1589 г.);... и вы б по... нашей грамотъ съ Архангельскія вотчины... денегъ... правити не велѣли, *потому что* имъ по нашему указу зачтено... пятьсотъ рублевъ. (Арх. Строева, т. II, стр. 182, № 98. — 1610 г.);... вели къ царю [крымскому]... послать лехкіе поминки противъ того, что было послано съ Татаринномъ..., *потому что* прежь того послано было зъ Зянгиждею поболши... (Письма русск. гос., т. 1, стр. 37. — 1619 г.).

Еще малочисленнее случаи употребления *потому что* для указания причины должествования, возможности совершения действия, выраженного сказуемым объясняемого предложения (по преимуществу в форме инфинитива, реже — в форме будущего времени простого).

... и недругъ людей твоихъ побъетъ, *потому что* уходя подкосья имъ [твоимъ людям] оружіемъ своимъ владѣть не лзѣ, и недругу противленія отъ мушкѣтеровъ нѣтъ, и онъ побъетъ... (Учен. ратн. стр., стр. 153. — 1647 г.); И какъ ихъ почали бити и съчь и ловить, и имъ противитися не умѣтъ, *потому что* въ рукахъ у нихъ не было ничего, ни у кого... (Котошихин, гл. VII, 9, стр. 82. — XVII в.).

Единичны случаи употребления *потому что* с другими оттенками значения:

... исподтой горы огонь выметываетъ съру горячую. и то есть нищихъ иубогихъ промыслъ, *потому что* ѿ толѣ промыслають себѣ напишу, ту съру збирають ипродаютъ (Космография, стр. 94. — 1670 г. — объяснение того, почему предмет есть то, что он есть);... да и посохъ де съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? *потому что* де онъ патріархъ самъ живъ и благодать Святаго Духа съ нимъ... (Дело Никона, стр. 19. — 1660 г. — указание основания для постановки вопроса: „почему я об этом спрашиваю?“); И ис того заморозу рыба моя в Нижней придет не в пору, *потому что* торговые люди, рыбы изнакупясь на деньги, из Нижнего розъехались... (Акты Морозова, № 78, стр. 143. — 1650 г.; указание основания, определяющего правильность суждения, выраженного в предшествующей части предложения: „почему правильно то, что я говорю?“).

Много позднее (в XVII в.) по образцу причинного союза *потому что* создается причинный союз *потому какъ*, имеющий в своей первой части наречие *потому*, во второй — относительное слово

какъ.¹ Немногочисленные случаи употребления этого причинного союза встречаем только в памятниках делового языка, в научной литературе, в фольклоре и в народных говорах. При незначительном количестве примеров не представляется возможным показать все стадии образования причинного союза *потому какъ*; в памятниках древнерусского языка, исследованных нами, засвидетельствованы:

II-а. — Переходные случаи, в которых сочетание предлога *по* с дат. п. имени существительного с предшествующим ему в качестве определения указательным местоимением *тотъ* + относительное слово *какъ*, имеет значение близкое к выражениям: „в соответствии, сообразно с чем-либо”.

А сбирати те деньги со Пскова... *по тому разводу, какъ* о томъ нынѣ межъ себя въ ыные расходы платять (Арх. Строева, т. II, стр. 653, № 342. — 1624 г.).

Переходные случаи, в которых сочетание предлога *по* с дат. п. субстантивированного местоимения *то* + относительное слово *какъ* близко по смыслу к выражениям: „таким образом, в соответствии, сообразно с чем”:

А которые дела преж сего судебника вершены, и тех всех дел не посуживати — быти тем делам... *по тому, как* те дела преж сего вершены (Судебн. Феод. Иоанн., § 199, стр. 50. — 1589 г.); ... татаромъ новымъ гонцомъ платье прикажи дать по своему государеву указу *по тому, какъ* имъ готовить велѣно (Письма русск. гос., стр. 38. — 1619 г.).

Интересно отметить, что конструкции такого типа западно-русской письменности засвидетельствованы значительно раньше (с XVI в.):

И мы съ своими бояры къ нему наказали, чтобы нашей дочери учинилъ во всемъ *по тому, какъ* уговорили съ нашими бояры его панове... (Акты Зап. России, т. I, стр. 234. — Стат. сп. № 192. — 1501 г.).

II-г. Причинный союз *потому какъ* как фразеологическое единство:

А турковъ на Патмосѣ нѣтъ, *потому, какъ* де кто станетъ жить, тотъ де умереть (Проскинитарий 1649 г., стр. 25).

В случаях препозитивного положения предложения с *потому какъ* слово *потому* приобретает значение близкое к наречному:

„Што вы, курицы? куды еицы дѣваите, тереите?” — „А *потому* мы еицы теряемъ, *какъ* у насъ ласкового хозяина, пѣтуха не стало” (Сказки северные, стр. 52).

Москва

(Продолжение в. кн. III)

¹ Ср. у Л. А. Булаховского (Курс русского литературного языка, стр. 355): „В относительно нередких случаях, утрачивая свой прямой смысл, значение изъяснительного союза приобретает *как*, ... *как* по существу равняется или близко к что...”

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

(Источники и материалы)

1. Аввакум. Зап. Записки о лицах и событиях времени возникновения старообрядчества. „Русск. ист. б-ка“. Изд. Археогр. ком. Т. 39. Л., 1927.
2. Акты зап. России. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археогр. ком. Т. I. Спб., 1846.
3. Акты Морозова. Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, Ч. I. Изд. Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.—Л., 1940.
4. Акты Моск. гос.-ва. Акты Московского государства, изданные имп. Акад. Наук под ред. Н. А. Попова. Т. II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635—1659. Спб., 1894.
5. Акты Холм.-Уст. Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. I. 1500—1699 г.г. „Русск. ист. б-ка“. Т. 12. Спб., 1890.
6. Акты юго-зап. России. Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Изд. Археогр. ком. Т. 4. Спб., 1863.
7. Акты юрид. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археогр. ком. Т. II. Спб., 1864.
8. Арх. Строева, Архив П. М. Строева. Т. I. „Русск. ист. б-ка“. Т. 32. Пг., 1915; т. II. „Русск. ист. б-ка“. Т. 35. Пг., 1917.
9. Воронежск. акты. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. I. Изд. Воронежск. губ. статист. комитета. Воронеж, 1887.
10. Двинск. грамоты. А. А. Шахматов. Исследования о двинских грамотах XV в. Ч. 1—2. Изд. Отд-ем русск. яз. и слов. имп. Акад. Наук. Спб., 1903.
11. Дела Тайн. пр. Дела Тайного приказа. Кн. 2. „Русск. ист. б-ка“. Т. 22. Спб., 1908.
12. Дело Никона. Дело о патриархе Никоне. Изд. Археогр. ком. Спб., 1897.
13. Донск. дела. Донские дела. Кн. 2. „Русск. ист. б-ка“. Т. 27. Спб., 1906.
14. Житие Гагары. Житие и хождение в Иерусалим и Египет канцлера Василия Яковлевича Гагары. 1634—637 г.г. „Православный палестинский сборник“, т. XI, вып. 3. Спб., 1891.
15. Житье игум. Данила. Житье и хоженье Данила Руськия земли игумена 1106—1108 г.г. Первая редакция. „Православный палестинский сборник“, вып. 3 и 9. Спб., 1885.
16. Ипат. л. Ипатьевская летопись. Полн. собр. русск. летописей. Изд. имп. Археогр. ком. Т. II. Спб., 1908.
17. История о голом по алфавету. В. кн.: В. П. Адрианова — Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы. М.—Л., 1937.
18. История о Фроле Скобееве. История о российском дворянине Фроле Скобееве (по рукописи Титова № 2461, (XVIII в.)). В. кн.: Б. И. Дунаев. Библиотека старорусских повестей. М., 1916.
19. Космография. Космография 1670 г. Спб., 1878—1881 г. г.
20. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григорья Ко[то]шихина. Спб. 1840.
21. Курбский, Ист. История о великом князе Московском. Сочинения кн. Курбского. Т. I. „Русск. ист. б-ка“. Т. 31. Спб., 1914.
22. Лавр. л. Лаврентьевская летопись. Полн. собр. русск. летописей. Т. I. вып. I. Повесть временных лет. Изд. Историко-археогр. ком. Акад. наук СССР. Л., 1926.
23. Лечебник XVII в. М. Ю. Лахтин. Старинные памятники медицинской письменности. М., 1911.

24. Лит. метр. Литовская метрика. Т. I. „Русск. ист. б-ка“. Т. 20. Спб., 1903.
25. Лудольф. Б. А. Ларин. Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд. 1696. Изд. Ленинградск. научно-исследов. Ин-та языкознания. Л., 1937.
26. I. Новг. л. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археогр. ком. Спб., 1875.
27. Новг. писц. кн. Новгородские писцовые книги. Т. VI. Книги Бежецкой пятины. Изд. имп. Археогр. ком. Спб., 1910.
28. Палицын. Сказание Авраамия Палицына по списку Моск. духовн. акад. № 175. „Русск. ист. б-ка“. Т. 13. Спб., 1909.
29. Пам. дипл. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I (с 1488 по 1594 г.), Спб., 1851.
30. Пам. ист. крестьян. Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизиветтера и А. И. Яковлева. М., 1910.
31. Переп. Безобразова. Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 г. М., 1888.
32. Песни Р. Джемса. П. К. Симони. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 г. г. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. „Сборн. Отд-ния русск. яз. и слов. имп. Акад. Наук“. Т. 82, № 7. Спб., 1907.
33. Письмо Кс. Годуновой. Письмо царевны Ксении Борисовны к тетке своей, княжне Домне Богдановне 1609 г. „Акты ист.“ Т. II. Изд. Археогр. ком. Спб., 1841.
34. Письма русск. гос. Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. I. М., 1948; т. V, М., 1896.
35. Пов. об Азовск. сиден. Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении первой редакции. Изд. А. Орлова: „Ист. и поэт. повести об Азове“. М., 1906.
36. Повесть о Ерше Ершовиче. В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937.
37. Посл. Иоанна IV. Послания царя Ивана Васильевича князю Андрею Курбскому (первая редакция). „Русск. ист. б-ка“. Т. 31. Спб., 1914.
38. Проскинитарий. Проскинитарий Арсения Суханова 1649—1653 г. г. „Православный палестинский сборник“. Вып. 21. Спб., 1889.
39. I. Псковск. л. Псковская 1-ая летопись (по Тихановскому списку). Псковские летописи. Вып. I. Изд. Акад. наук СССР. М.—Л., 1941.
40. Пут. Афан. Твер. Путешествие Тверитина Афанасия в Индию. „Полн. собр. русск. летописей“. Т. VI. Изд. Археогр. ком. Спб., 1853.
41. Путеш. Толстого. Путешествие стольника П. А. Толстого 1697—1699 г. г. (путевой дневник). „Русский архив“. Кн. 1—2. М., 1888.
42. Роз. д. Шакл. Розыские дела о Федоре Шакловитом и его общниках. Т. I. Спб., 1884.
43. Роспросные речи 1609 г. „Акты ист.“, Т. II. Спб., 1841.
44. Русск. былины. Русские былины старой и новой записи, под ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894.
45. Русск. Хронограф. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф. ред. 1512 г. Полн. собр. русск. летописей. Изд. имп. Археогр. ком. Спб., 1911.
46. Сб. Святослава 1076 г. Сборник Святослава 1076 г. В кн.: В. Шиманский. К истории древнерусских говоров. Варшава, 1887.
47. Сказ. о Борисе и Глебе. Сказание и страсть и похвала св. Борису и Глебу. Сборн. XII в. Моск. Успенск. собора. Вып. I. „Чтения в имп. Об-ве ист. и древн. росс. при Моск. ун-те“. Кн. I. М., 1899.
48. Сказ. о Мам. поб. Сказание о Мамаевом побоище. Изд. С. К. Шамбинаго. 1907.

49. Сказ. про Бову Королевича. Сказание про храброго витезя про Бову Королевича (по рукоп. Публ. б-ки в Спб. XVII—ф—27 XVII в). В кн.: В. И. Дунаев. Библиотека старорусских повестей. М., 1915.

50. Сказки северные. Северные сказки (Архангельской и Олонецкй губ.). Сборник Н. Е. Ончукова, Спб., 1909.

51. Слово о п. Игор. Слово о полку Игореве. Фототипическое воспроизведение 1-го издания 1880 года. Спб., 1904.

52. Судебн. Иоанна IV. Судебник царя и великаго князя Иоанна Васильевича (1555 г.) „Акты ист.“ Т. I. Спб., 1841.

53. Судебн. Феод. Иоанн. Судебник Феодора Иоанновича 1589 г. По списку собрания Ф. Ф. Мазурина. М., 1900.

54. Улож. Ал. Мих. Уложение государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича. Изд. 1649 г.

55. Учен. ратн. стр. Учение и хитросты ратного строения пехотных людей. Спб., 1904.

56. Хованскй. Частная переписка кн. П. И. Хованского, его семьи и родственников. М., 1915.

4
4-48

9/5

М А Т И Ц А С Р П С К А

ЗБОРНИК

ЗА ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

Е. Т. ЧЕРКАСОВА

К ИСТОРИИ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ
ОТНОСИТЕЛЬНОГО ТИПА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

НОВИ САД 1959